

настроение, чувства и на жизнь человека, подчеркивая неразрывную связь человека и природы. Поскольку и чувства зарождаются вместе с весной, то становится закономерным параллельный путь от зарождения жизни – зарождения чувств к вершине природного цикла (лету) – пику отношений между ними и соответственно, к развязке этой напряженной ситуации (грозе) – внезапному расставанию влюбленных.

Литература

Ибатуллина Г. М. Мифопоэтические образно-смысловые парадигмы и их художественные функции в повести А. И. Куприна «Олеся» // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 6. Том 2.

Куприн А.И. Гранатовый браслет С-П.: Азбука, 2013

Лекке Мирья «Внутренние колонии – пестрые окраины: Украина и Беларусь (Малороссия и Белороссия) в произведениях А.И. Куприна // «Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России». /Под редакцией А. Эткинды, Д. Уффельманна и И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Толова Г. Н. Пейзаж в литературе и искусстве Пермь: Издательство Пермского государственного педагогического института, 1993

© Свинцова А.Н., 2017

Сергеева И. А. (Екатеринбург, УрГПУ)

Вокруг романа Л.Н. Толстого «Семейное счастье»

Аннотация: В данной статье представлен аналитический обзор исследований, посвященных анализу раннего произведения Л. Н. Толстого «Семейное счастье». Изучение критической и научно-исследовательской литературы различных периодов отечественного литературоведения позволило увидеть противоречия между подходами к анализу и интерпретации. Сущность разногласий сводится не только к полемике о неоднозначном восприятии и репутации произведения, исследуются подходы к поэтике, затрагиваются аспекты жанровой специфики, рассматривается вопрос о причинах, побудивших к написанию данного сочинения, ставится

вопрос о необходимости изучения «Семейного счастья» в контексте творческого пути писателя.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «мысль семейная», идиллия, усадебный текст, жанровая специфика.

Sergeeva I. A. (Yekaterinburg, USPU)

Araound the Tolstoy's novel "Family happiness"

Abstract. This article presents an analytical review of studies, devoted to analysis early work of Tolstoy «Family happiness». The study of critical and scientific literature of various periods of Russian literary criticism made it possible to see the contradictions between approaches to analysis and interpretation. The essence of disagreements is reduced not only to polemics with ambiguous perception and reputation of the work, approaches to poetics, aspects of genre specificity, the question of the reasons that led to the writing of this work, but raised the issue of the need for the study "Family happiness" in the context of the writer's creative path.

Keywords: Tolstoy, «thought of family», idull, country estate text, genre specificity

Едва ли в русской литературе найдется другой автор, посвятивший столько внимания семейной тематике, сколько Лев Николаевич Толстой. Семья представляла для писателя одну из главных жизненных ценностей. При этом не только та семья, в которой он родился и вырос, но, в первую очередь, семья, которую он создал сам. Для Толстого было несомненным, что человек развивается, прежде всего, в семье.

Давно уже стала хрестоматийной фраза Толстого в записи Софьи Андреевны: «... я люблю мысль семейную» [Толстая 1978: 502]. В этом смысле его творчество - уникальной пример верности той самой, любимой мысли.

Тема семьи находит свое отражение уже в раннем творчестве писателя. Создавая автобиографическую трилогию (первоначальный замысел – роман «Четыре эпохи развития») «Детство» (1852), «Отрочество» (1854), «Юность» (1857, неоконч.), Толстой довольно рано начинает предпринимать попытки вникнуть в суть семей-

ных взаимоотношений. Постепенно семейная тематика становится традиционной для его творчества, трансформируясь в настоящую семейную философию. Мы можем наблюдать этот процесс, рассматривая такие произведения писателя, как «Война и мир» (1863-1869), «Анна Каренина» (1873-1877), «Крейцерова соната» (1887-1889), «Воскресение» (1889-1899).

Известный русский историк и писатель Г. П. Данилевский полагал: «Главная сила графа Л. Н. Толстого - в изображении мирных, семейных картин. В отдельных картинах “Войны и мира” и “Анны Карениной”, и в целом романе “Семейное счастье” он является истинным и могучим поэтом тихого, семейного очага» [цит. по: Лакшин 1986: 32].

Мы знаем, что в рукописях роман имел иное заглавие. В одной из январских записей Записной книжки от 1859 г. сочинение озаглавлено как «Повести Лизаветы Белкиной», позже в дневниковых записях фигурирует заголовок «Анна» (по первоначальному замыслу именно это имя Толстой дал своей героине) [см. об этом: Гусев 1958: 196].

Первое прочтение «Семейного счастья» было организовано Толстым в марте 1859 года в Петербурге в доме литературного критика В. П. Боткина. Слушателям повесть (именно такое жанровое обозначение дает в своей работе Н. Н. Гусев) показалась «довольно неудачною» [см. там же: 198], а сам Боткин заметил, что все сочинение «исполнено какого-то холодного блеска и ничто не трогает ни мысли, ни сердца», а «вся неудача вышла от неясности первоначальной мысли, от какого-то напряженного пуританизма в воззрении» [цит. по: там же: 202].

После чтения писателем «Семейного счастья» в кругу своей двоюродной тетушки и ее знакомых, А. А. Толстая находит произведение «прелестной» повестью, «исполненной самого высокого комизма» [там же: 199].

Перед своей первой публикацией роман трижды корректируется автором. И в мае 1859 года в №7 журнала «Русский вестник» выходит в свет первая часть «Семейного счастья». Вторая часть романа публикуется в №8 уже названного издания [см. там же: 202-203].

После публикации, произведение находит в печати лишь беглые сочувственные упоминания. Так, например, в №22 журнала «Се-

верный цветок» от 1859 г. один из критиков назвал первую часть «Семейного счастья» «милой поэтической идиллией». В ежедневной общественно-политической газете «С.-Петербургские ведомости» (№155 от 18 июля 1859 г.) рецензент отмечает, что повесть производит «обаятельное впечатление» [см. там же: 203].

Спустя время о «Семейном счастье» говорится уже лишь в контексте общего изучения творческого пути писателя.

Б. М. Эйхенбаум обозначает жанровую природу произведения как роман, вписанный в контекст эпохи 50-х годов, называя его «социальным заказом эпохи». По словам литературоведа, во второй половине 1850-х годов «женский вопрос» приобретает наиболее острый социальный характер. В широких кругах не только русского общества разгорается дискуссия на тему прав женщин. Часть русской интеллигенции выступает за идею женской эмансипации. Консервативный в своих убеждениях Толстой не разделяет взгляды своих современников, выступавших против института брака, не приемлет идею женского равноправия, как ее понимали современники. Эйхенбаум полагает, что именно в этой атмосфере напряженной полемики у Толстого и появляется мысль написать роман о «семейном счастье», изложив в нем свое понимание этого вопроса [Эйхенбаум 1928: 353].

Рассматривая вопрос о влияниях, побудивших Л. Н. Толстого к написанию «Семейного счастья», М. М. Бахтин в одной из своих статей (1929) высказывает мысль о том, что роман «Семейное счастье» - «живой отклик на злободневный в то время [в 50-е годы – И. С.] “женский вопрос”, что он полемически заострен против “Жорж-зандизма” и тех более крайних воззрений на это счет, с защитой которых выступили представители русской радикальной интеллигенции» [Бахтин 2000: 178].

Других исследователей интересует проблема творческой неудачи, каковой, в понимании самого Толстого, стала публикация «Семейного счастья». Так, Б. И. Бурсов в книге «Лев Толстой. Идеальные искания и творческий метод» (1960) пытается понять причины этой неудачи. Ученый приводит достаточно распространенное мнение, согласно которому замысел «Семейного счастья» связывается исключительно с пережитым в этот период чувством Льва Толстого к Валерии Арсеньевой. Данное суждение представляется

Бурсову спорным, поскольку произведение в этом случае зачастую рассматривается в узкобиографическом контексте, что приводит «к односторонней и, в сущности, неверной оценке его». Ученый не исключает возможности использования автором личного опыта в процессе творчества, но уточняет, что этот опыт входит в произведение уже в художественно преобразованном виде [Бурсов 1960: 278]. Однако очевидно, что сама проблема узколичного, семейного счастья, поставленная в романе, неизбежно сужала рамки произведения.

В другой своей работе «Лев Толстой и русский роман» (1963), Бурсов отмечает, что в романе отразилось кризисное состояние самого Толстого, переживающего в этот период свой первый духовный кризис. Неудовлетворенность собой усилилась после публикации романа «Семейное счастье». «После “Семейного счастья” Толстой объявил о разрыве с литературной деятельностью, – таким ударом для него был этот роман» [Бурсов 1963: 51]. Об этом свидетельствует письмо к критику и публицисту В. П. Боткину, где Толстой разочарованно пишет: «Я теперь похоронен и как писатель, и как человек... Во всем слова живого нет» [цит. по: Эйхенбаум 1928: 363]. Автор негативно отнесся к своему творению и всячески способствовал тому, чтобы произведение осталось незамеченным. Толстой находит свое произведение «постыдной мерзостью» и даже просит Боткина сжечь рукопись [см. об этом: Гусев 1958: 202]. Испытав творческое разочарование, Толстой уходит из литературы и обращается к педагогическому труду.

Е. Н. Купреянова в работе «Молодой Толстой» (1956) прямо называет публикацию «Семейного счастья» творческой неудачей писателя, связывая ее с выбором темы романа, в котором получила свое отражение мысль о «призрачности эгоистического счастья в любви» [Купреянова 1956: 195].

Об этом же, по сути, говорит и В. Б. Шкловский. Упомянув «Семейное счастье» в своей книге «Лев Толстой» (1963), автор утверждает, что в «небольшом романе» повествуется о том, как «человек, увлеченный женщиной не смог ее перевоспитать, женился на ней. Оба несчастливы» [Шкловский 1963: 280].

М. Б. Храпченко в работе «Лев Толстой как художник» (1978), называет в качестве одной из побудительных причин создания

«Семейного счастья», определяемого исследователем как «повесть», стремление писателя отгородиться от светской суеты, «буржуазной цивилизации», укрыться в своем маленьком «честном мире». Однако, считает Храпченко, этот изолированный мирок оказался слишком узким для такого писателя, как Лев Толстой, слишком изолированным, не способным вобрать в себя все многообразие жизненного содержания. Однако, по мнению Храпченко, работа над «Семейным счастьем» была необходимым этапом в творчестве Толстого, который понял невозможность следования по этому пути [см.: Храпченко 1978].

Иной подход к интересующему нас произведению Толстого представлен в статье Е. А. Краснощековой «“Семейное счастье” в контексте русского ”романа воспитания”» (1996). Исследователя произведение Толстого интересует в собственно художественном, а именно жанровом аспекте. Опираясь на исследования М. М. Бахтина по исторической типологии романа, а именно на его работу «Формы времени и хронотопа в романе», автор статьи, исходя из характера хронотопа, относит «Семейное счастье» к типу «романа воспитания» [см.: Краснощекова 1996: 47-65]. История взросления главной героини (от юной девушки Маши до дважды матери и верной супруги Марьи Александровны) представлена как естественная и постепенно развивающаяся, как «путь становления человека от юношеского идеализма и мечтательности к зрелой трезвости» [цит. по: Бахтин 1986: 213]. При этом семья, по мнению Краснощековой, является «камерной вариацией» той школы жизни, которую должен пройти персонаж в условиях данного типа романа.

Поворот в сторону изучения собственно поэтики «Семейного счастья» характерен для современных исследований. Так, Г. П. Козубовская в своей монографии «Середина века: миф и мифопоэтика» (2008) обращается к изучению литературы 50-х годов в связи с архетипами, авторскими мифами, литературными традициями. Анализируя роман «Семейное счастье», Козубовская относит его к феномену усадебного текста. В ходе исследования автор обнаруживает неожиданные и интересные параллели между творчеством А. А. Фета и Л. Н. Толстого. Козубовская выделяет несколько аспектов творческого взаимодействия поэта и прозаика: пейзаж, с

повторяющимися у обоих авторов образами, изображение телесности и жестовой пластики, и, наконец, исследователь подчеркивает музыкальность, свойственную поэзии Фета и роману Толстого [см.: Козубовская 2008: 121-138].

Размышляя над предложенной Г. П. Козубовской трактовкой «Семейного счастья» как усадебного текста, обратимся к исследованию В. Г. Щукина «Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей» (2007). Называя, как и М. Б. Храпченко, «Семейное счастье» повестью, В. Г. Щукин полагает, что причисление произведения Толстого к усадебному тексту является ошибочным. «В силу разных причин нельзя отнести к усадебному тексту такие, к примеру, вещи, как... повести Толстого (“Утро помещика”, “Семейное счастье”, “Холстомер”, “Дьявол” и др.)» [Щукин 2007: 319]. Свое утверждение Щукин аргументирует тем, что описание усадьбы является необходимым, но недостаточным элементом для введения данного текста в состав усадебного [там же: 319-320].

Заслуживает, на наш взгляд, внимания и статья И. Н. Сухих «Искать, все время искать...», в которой, анализируя поиски счастья толстовскими героями, исследователь утверждает, что этот сюжет является одним из ключевых в творчестве Толстого. Останавливаясь на раннем произведении писателя «Семейное счастье», Сухих подчеркивает намерение Толстого развенчать миф о том, что романтическая история двух героев логически завершается выходом под венец. Следуя за мыслью писателя, Сухих приходит к выводу, что, по Толстому, счастливый брак – не конец повествования, а, возможно, только его начало. Все самое сложное и трудное, по словам автора статьи, начинается именно после свадьбы, и сам семейный союз оказывается потенциально конфликтным [Сухих 2016: 23].

Примечательно суждение И. Н. Сухих, касающееся особенностей жанровой организации «Семейного счастья». По мнению исследователя, произведение строится «по принципу повести-теоремы, повести-эксперимента, как программное изображение счастливой семьи» [там же: 22].

Итак, нетрудно заметить, что «Семейное счастье» по-разному интерпретируется в литературоведении, в зависимости от того, ка-

кие аспекты изучения избирают исследователи. Выделим эти аспекты.

Является ли «Семейное счастье» творческой неудачей, как полагал сам автор, или это необходимый момент в творческой эволюции писателя?

Что повлияло на создание этого произведения? Автобиографический факт лег в его основу, или Толстой пишет «Семейное счастье» под влиянием тех идей, которые были характерны для эпохи 50-х годов?

Какова жанровая природа «Семейного счастья»? Это роман (как полагают Б. М. Эйхенбаум, М. М. Бахтин, Б. И. Бурсов, В. Б. Шкловский, Е. А. Краснощекова, Г. П. Козубовская) или это повесть (как считают Н. Н. Гусев, М. Б. Храпченко, В. Г. Щукин, И. Н. Сухих). Если это роман (повесть), то к какой его (ее) жанровой разновидности обращается Толстой?

Наконец, можно ли отнести «Семейное счастье» к усадебному тексту (как полагает Г. П. Козубовская), или это утверждение неправомерно (как считает В. Г. Щукин)? Как решение этого вопроса уточняет представление о жанровой специфике произведения?

И, наконец, какое место занимает данное произведение с его «мыслью семейной» в творческой эволюции Толстого?

Неоднозначность ответов на сформулированные вопросы свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения «Семейного счастья».

Литература

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.

Бахтин М. М. Статьи о Л. Толстом // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 2000. Т. 2. 800 с.

Бурсов Б. И. Лев Толстой. Идеи и творческий метод. М. : Худож. лит., 1960. 406 с.

Бурсов Б. И. Лев Толстой и русский роман. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. 152 с.

Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. М. : Худож. лит., 1958. 836 с.

Козубовская Г. П. Середина века : миф и мифопоэтика : монография. Барнаул : АлтГПА, 2008. 273 с.

Краснощечева Е. А. «Семейное счастье» в контексте русского «романа воспитания» // Русская литература. 1996. №2 . С. 47-65.

Купряева Е. Н. Молодой Толстой. Тула : Тульск. кн. изд-во, 1956. 216 с.

Лакшин В. Я. Интервью и беседы с Львом Толстым. М. : Современник, 1986. 525 с.

Сухих И. Н. «Искать, все время искать...» : Толстой и его герои в поисках счастья // Толстой Л. Крейцеров соната : повести. СПб. : Азбука, 2016. С. 5-38.

Толстая С. А. Дневники : в 2 т. М. : Худож. лит., 1978. Т. 1. 605 с.

Храпченко М. Б. Лев Толстой как художник. 4 изд. М. : Худож. лит., 1978. 580 с.

Шкловский В. Б. Лев Толстой. М. : Молодая гвардия, 1963. 864 с. (Сер. ЖЗЛ).

Шукин В. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М. : РОССПЭН, 2007. 610 с.

Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Книга первая : 50-ые годы. Л. : Прибой, 1928. 416 с.

© Сергеева И.А., 2017

Ситникова Ю. Б. (Екатеринбург, УрГПУ)

Видеоуроки «Как выжить в онегинское время»: из опыта организации проектной деятельности учащихся

Аннотация. В статье рассматривается образовательный и воспитательный потенциал проектной деятельности учащихся в старших классах. Обосновывается применимость метода проектов для внеурочной работы по литературе. Приводится пример разработки цикла видеоуроков по роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в гимназии № 104 г. Екатеринбурга. Делается вывод о методе проектов как эффективном способе развития интереса к чтению у современных подростков.